

Торговец с коромыслом на плечах ходил по улицам и переулкам, его звонкий протяжный голос разносился по дворам:

— Горячий доуфунао! Ароматный, нежный, с соленым или сладким вкусом!

Когда господа из семидесяти двух переулков восточной части города изволили вставать к завтраку, торговец уже возвращался домой с пустыми ведрами из-под доуфунао, вполне довольный.

А маленькая записка вместе с тремя мисками дымящегося доуфунао, политого ароматным острым маслом, посыпанного хрустящими солеными кусочками соленой редьки и белым кунжутом, появилась на столе у господина Наня — учителя, которого господин Чиго пригласил для своего наследника.

Господину Наню было около тридцати, он был белым, пухлым, как шар, — круглое лицо, круглый живот, при ходьбе ног было не видно. Когда господин Гао пригласил его в свой особняк, никто из домашних не мог поверить, что это и есть тот самый Бессмертный Журавль, о котором ходили слухи: «с даосским обликом, парящий в небесах, с криком журавля в девять небес».

Разве бывают такие толстые журавли? Если бы он принял свой пернатый облик, то, скорее всего, не смог бы взлететь.

Господин Нань быстро пробежал глазами записку, отбросил ее в сторону, взял фарфоровую пиалу с доуфунао, съел одну, затем другую, а залпом проглотил и третью. Лицо его покраснелось, градом катился пот. Тогда он погладил живот, развалился в кресле-качалке, отрыгивая, и рассмеялся:

— Цок-цок, нынешние дети — просто невидаль, один другого горячее. Ты разнес мою лавку — я пойду подожгу твой двор. Цок-цок. Одному десять, другому восемь — молоко на губах не обсохло, а уже творят такое, что дело идет на уничтожение, поступают решительнее взрослых. Со временем оба не будут сидеть в клетке. Наследнику лучше бы сейчас наладить с ними отношения.

Он говорил это, глядя на дверь.

Полог двери откинулся, и вошел долговязый молодой стражник, толкая перед собой черное инвалидное кресло.

В кресле сидел ребенок. На нем был халат из парчи цвета лазурного камня, расшитый золотой нитью в виде птиц долголетия, поверх — полупрозрачная накидка цвета туманной зелени. Личико размером с ладонь, с тонкими чертами, почти без кровинки, словно он вот-вот растворится в тумане из легкой дымки.

Это и был наследник господина Чиго — Гао Яо.

Мальчик оперся на подлокотники и встал. Служанка поспешила поддержать его, но он оттолкнул ее руку. Наследник, опираясь на собственные силы, сделал несколько шагов, сел на табурет у стола, взял записку, тоже прочитал ее и слегка нахмурил красивые брови:

— Слишком уж... гладко все получается.

Господин Нань лениво развалился в кресле, лишь пальцем указал на чайник. Его привычный слуга тут же понял намек и налил ему чаю «цвет воробьиного язычка».

Господин Нань с наслаждением прихлебывал чай, говоря:

— Эти двое детей давно враждуют, ссора была лишь вопросом времени. В прошлый раз с подделкой документов действительно было много сомнительного, но с поджогом, похоже, все чисто. К тому же, пользуясь суматохой пожара, Сяо Ци проверил всех тех кроликов — все они оказались обычными домашними. Если наследник все еще беспокоится, пусть прикажет понаблюдать за ними. Сейчас ваше тело слабо, не стоит слишком тревожиться, а тем более... связываться с каким-то паршивым зверьком.

Гао Яо слегка опустил веки, хотел было что-то сказать, но его прервал внезапный приступ сильного кашля. Окружающие слуги, привыкшие к этому, не выказали беспокойства: кто-то похлопал его по спине, кто-то принес лекарство. Гао Яо кашлял, согнувшись дугой, лицо его побагровело, прежде чем он пришел в себя. Он поднял руку, смахнул на пол зеленую склянку с лекарством, которую поднесла служанка, и хрипло рассмеялся:

— Учитель прав. Всего лишь паршивый зверек.

Он выровнял дыхание, вернул себе обычное спокойное и мягкое выражение лица и продолжил:

— Эти двое детей довольно интересны. Пусть за ними еще понаблюдают. После осенних экзаменов в этом году Академия Чжаоян снова будет набирать учеников. Если они будут достойны, можно будет дать им шанс.

Господин Нань вытер пот, поднял большой палец вверх и похвалил:

— Наследник смотрит далеко вперед.

Цзи Чаоань несколько раз чихнул, потер переносицу, затекшую и зачесавшуюся от ледяного холода, прошелся по переулку Чжумене туда-сюда дважды, но не нашел и следа кролика. Зато он отбилсЯ от четырех или пяти нападения озорных мальчишек, и теперь его тревога только возросла.

Он привык к тому, что Гао Хуай находится в человеческом обличье, и часто невольно относился к Маленькому Деревцу Хуай как к взрослому. Но Маленькое Деревце Хуай даже не умеет говорить по-человечески. Когда он велел ему встретиться здесь, возможно, этот маленький кролик... просто не понял?

Цзи Чаоань думал и думал, но так и не придумал лучшего способа. Пришлось ему найти укромное безлюдное место, достать из кошелька маленькую куклу-кролика.

Он сделал ее в свободное время из шерстинок, которые выпали у Маленького Деревца Хуай. Кукла была размером с мизинец, грубой работы, но в ней можно было угадать кроличью форму — этого было достаточно.

Через спинку куклы была продета красная веревочка. Цзи Чаоань взялся за один конец веревочки, подвесил маленькую куклу в воздухе, сложил указательный и средний пальцы правой руки и начал рисовать круги от центра наружу.

Это был змеиный узор из вышивальных талисманов, обладающий свойством находить дорогу и предметы.

Серый войлочный комочек зашевелился без ветра, медленно повернулся несколько раз и в конце концов указал головой на запад.

Цзи Чаоань сорвался с места, но через два шага внезапно остановился, внимательно всмотрелся в форму куклы-кролика, нахмурил свое маленькое личико с чрезвычайно серьезным видом, молча развернулся и на этот раз пошел на восток.

При этом он подумал про себя: в следующий раз, когда буду делать куклу-кролика, нужно постараться сделать ее более точной, хотя бы чтобы голова и хвост различались с первого взгляда.

Переулок Чжумене находился в «Бамбуковой роще». Если идти на восток, не пройдет и времени, за которое сгорит половина ароматической палочки, как путь пересечет другая, чуть более широкая улочка. Хотя она называлась переулком Грязной Воды, в сухую погоду это была обычная улочка, где иногда проходили торговцы, и попадалось несколько пустынных лавок.

Цзи Чаоань использовал змеиный узор еще несколько раз и наконец остановился у одного заброшенного двора.

Дома по соседству с этим двором тоже были заброшены, сорняки выше человеческого роста поглотили и дворы, и разрушенные стены. Только здесь ворота были плотно закрыты, на висячем медном замке лежал слой пыли, будто его давно не открывали.

Цзи Чаоань подошел и потрогал, но пальцы остались чистыми. Казавшийся легким слой пыли был крепко приклеен к замку.

Он не стал спешить врываться, а, перешагнув через ворота двора, направился в ближайшую лавку, торгующую жареными семечками. Там он купил пакетик засахаренных грецких орехов и пакетик белых семечек, заодно, не подавая виду, разузнал кое-какие новости.

Старушка, продававшая семечки, приняла его за слугу из какой-то богатой семьи и принялась отговаривать:

— Передай своему господину, чтобы ни в коем случае не покупал это место по дешевке. Тот двор нечист.

Цзи Чаоань захлопал своими большими прозрачными, как озерная гладь, глазами и растерянно спросил:

— Если двор давно пустует, в нем, конечно, грязно. Нужно просто послать побольше людей, чтобы убрали.

Старушка вздохнула, сунула ему в руку горсть соленого арахиса и сказала:

— Глупый ребенок, бабушка говорит, что в том дворе водятся привидения. Когда бабушка была маленькой, в том дворе уже никто не жил. Иногда туда заходили смельчаки, а наутро их находили мертвыми за воротами — с вытаращенными глазами и высунутыми языками, все до смерти перепуганные.

Цзи Чаоань с ужасом воскликнул:

— Неужели такое бывает!

Старушка сказала:

— А то! Соседи от страха разъехались, дом не продать, вот и бросили. Не тратьте деньги попусту.

Цзи Чаоань улыбнулся:

— Я понял, обязательно доложу господину. Спасибо, бабушка.

Он расплатился и вышел из лавки с двумя пакетами семечек и горстью соленого арахиса.

Подслеповатая старушка медленно пересчитала деньги и закричала:

— Много, слишком много!

Но когда она подняла голову, красивого мальчика уже и след простыл.

Цзи Чаоань вернулся к тому двору, зашел в заброшенный сад слева, заправил полы одежды за пояс, ту же перетянул длинный сверток ткани, висевший за спиной, снова достал куклу-кролика и на этот раз начертил мышинный узор — для поиска кратчайшего пути.

Кукла-кролик задрожала. Цзи Чаоань почувствовал, что сила натяжения увеличилась, и

разжал пальцы. Войлочная игрушка, волоча за собой длинную красную нитку, нырнула в траву.

Цзи Чаоань поспешил за ней, раздвигая спутанные сорняки, и вдоль стены нашел трещину.

Кукла-кролик сама подкатилась к щели, внезапно вспыхнула и в мгновение ока превратилась в несколько крошечных горсток пепла, которые ветер развеял без следа.

Цзи Чаоань подобрал оставшуюся красную нитку и убрал, затем поднял голову, оглядывая глиняную стену, и немного заколебался.

Щель эта хоть и не была собачьей норой, но ненамного ее превосходила. Должно быть, ее прорыл какой-то дикий зверь, но бросил на полпути, поэтому стена оставалась целой, и никто не заметил этой лазейки.

Цзи Чаоань, привыкший к роскоши и комфорту, теперь должен был лезть в грязную нору. Он помучился сомнениями, но в конце концов тихо вздохнул:

— Маленькое Деревце Хуай, посмотри, что я из-за тебя делаю?

Он вытащил из-за спины короткий меч, расширил им щель, терпеливо перенося тучи пыли, и протиснулся внутрь.

В соседнем дворе тоже буйствовали сорняки, даже более высокие и густые, чем в предыдущем, так что дом почти скрылся из виду.

Цзи Чаоань терпеливо присел в траве и через некоторое время увидел юношу лет четырнадцати-пятнадцати, который шел со стороны ворот, неся в руках несколько тяжелых бумажных свертков и тыкву-горлянку с вином. От него слабо пахло мясом и выпивкой.

Юноша, не проявляя никакой осторожности, прошел сквозь густые заросли, прямо направился к развалившемуся главному дому, уверенно прошел в боковую комнату, постучал по стене в нескольких местах, и часть кирпичей у самого пола отодвинулась, открыв отверстие размером около метра в поперечнике.

Юноша согнулся и нырнул в дыру, спустился по ступенькам, повернул — и перед ним открылось просторное помещение, вымощенное синим кирпичом.

Эта комната находилась под землей, и хотя была просторной, в ней чувствовалась духота и сырость. Из стен торчало несколько заржавленных светильников, в которых тускло мерцали светящиеся жемчужины, освещая все вокруг.

У западной стены на мягкой тахте сидели мужчина и женщина, держась за руки и воркуя друг с другом. В восточном углу стоял квадратный стол, на котором находилась квадратная клетка,

вся из тонких сине-белых светящихся прутьев, словно в ней мерцали разряды молний.

В клетке сидел серый кролик размером с ладонь.

В окружении синих световых прутьев кролик не двигался, только его черные, как обсидиан, глаза были широко раскрыты, а раздвоенная верхняя губа и хвост время от времени сильно дрожали — вероятно, его подавляло какое-то заклинание.

Над столом склонился маленький старичок с седыми волосами, еще более взлохмаченными, чем сорняки во дворе. Перед ним были разложены бумага и кисть. Он внимательно разглядывал серого кролика, бормоча себе под нос и время от времени быстро записывая что-то. Его белая одежда была вся в чернильных пятнах.

Юноша вошел в комнату и, прежде чем заговорить, улыбнулся, почтительно сказал:

— Учитель, наставница, я купил вино и закуски. Печеная курица из лавки Ляо, тушеная свиная рулька и требуха из лавки Чжу, а еще лотос с сахаром и имбирем из Башни Ветра и Дождя и острое мясо оленя!

Говоря это, он разворачивал бумажные свертки и расставлял их на столе перед парочкой.

Мужчина был коренастым, с густой бородой. Он окинул взглядом стол, уставленный яствами, и кивнул:

— Неплохо, неплохо. А вино?

Юноша немного замешкался и понизил голос:

— Вино с кедровыми орешками из лавки Саньюань продают только по две бочки в день... Ученик сначала прислуживал учителю и наставнице за утренней трапезой, пришел слишком поздно и не успел купить... Н-но их «Сто цветов» тоже...

Голос юноши становился все тише, а мужчина уже отодвинул от себя красивую женщину, которую обнимал, вышел из-за стола и, размахнувшись, пнул юношу.

Перед здоровяком юноша был словно цыпленок под ногой ястреба. Получив пинок, он полетел, как подхваченный ветром листок, едва не опрокинув стол с клеткой.

Старик бросил кисть, обеими руками подхватил дно клетки и заорал:

— Сюань Людао! Сынок, поосторожнее! Повредишь мое сокровище — я тебя оскоплю!

Здоровяк выругался в ответ: «Старый хрыч!» — схватил юношу за шиворот и швырнул в пустой угол комнаты, затем принялся избивать его ногами и кулаками, приговаривая:

— Мерзкий птенец! Сам бездарь, а винишь учителя! Я тебя до смерти забью!

Юноша, свернувшись калачиком, лежал на полу, молча снося побои, и лишь изредка, когда было особенно больно, постанывал. Здоровяк устал бить и в последний раз сильно пнул его — на этот раз жесткий сапог пришелся юноше по губам.

Губа юноши рассеклась, но он, забыв о боли, закричал:

— Учитель, бещитесь!

Капелька крови попала на сапог, и тут же раздалось шипение, пошел дымок, и сапог прожгло насквозь.

Здоровяк среагировал быстро, скинул сапог и отбросил его в сторону, злобно уставившись на юношу:

— Ничтожество! Обуза!

Старик проворно надел перчатки из неизвестного материала, взял маленький желтый флакон, подбежал к юноше и осторожно собрал капающую с него кровь в бутылек.

Юноша послушно принял нужную позу, и кровь вместе со слезами закапала в темное горлышко флакона.

Старик успокаивающе сказал:

— Твой учитель не нарочно тебя ранил, не принимай близко к сердцу.

Юноша всхлипнул:

— Господин Хуан, я знаю. Учитель — самый лучший человек на свете для меня.

Кровь и слезы постепенно остановились. Старик дал ему хлопчатобумажный платок вытереться, взял флакон и вернулся к столу. Тем временем здоровяк, которого старик назвал Сюань Людао, уже обнимал женщину и всю пировал.

Но вот они ели и пили, и вдруг все почувствовали слабость, тела их обмякли, и они повалились на тахту без сил.

Старик тоже с глухим стуком рухнул на пол, только глаза его бегали туда-сюда, полные ужаса:

— Это...

Он посмотрел на только что избитого, с синяками и ссадинами на лице юношу и спросил:

— Парень! Парень! Попробуй пошевелиться!

Юноша сидел на полу, лицо его выражало полную растерянность, он обессиленно произнес:

— Я... нет сил пошевелиться.

Старик сначала был потрясен, затем пришел в неопиcуемый восторг. Он попытался повернуть голову, но не смог сдвинуть и шею, поэтому ему пришлось лежать на спине и громко говорить:

— Какое божество почтило нас своим присутствием? Я — Хуан Шоу с горы Цяньцю, область Сянчжоу! Всю жизнь я посвятил изучению, немного смыслу в медицине. Умоляю старшего наставника указать мне, какой именно яд способен подействовать даже на цинъюань? Я готов отдать все наследие горы Цяньцю в обмен на этот рецепт!

Вдруг раздался звонкий детский голос, который фыркнул и сказал:

— Значит, действительно цинъюань.

Сюань Людао взревел:

— Кто здесь!

Однако его свирепый, как ему казалось, рык, который должен был звучать как гром, на деле оказался тише обычной человеческой речи. Женщина же просто дрожала, не в силах издать ни звука.

Маленький мальчик в синей одежде толкнул ногой дверь и медленно вошел. Лицо его было бледным от истощения духовной энергии. Он достал маленький белый флакон, высыпал несколько пилюль и, словно конфеты, кинул их в рот.

Кролик в клетке широко раскрыл глаза и уставился на вошедшего.

Только он был слишком мал, да и светящиеся прутья загораживали обзор, так что никто этого не заметил.

Мальчик даже не взглянул на клетку. Он был совсем ребенком, с пухлыми, еще по-детски круглыми щечками, такой красивый, словно сошел с новогодней картинки. Однако в его поведении чувствовалась уверенность и спокойствие. Он прошелся по комнате, заложив руки за спину, и окинул оценивающим взглядом каждого из четырех присутствующих. От этого взгляда даже у этих отъявленных злодеев, на чьей совести было немало смертей, по спине побежали мурашки.

Сюань Людао невольно сглотнул слюну и хрипло переспросил:

— Ты, мелкий... ты... кто такой?

Цзи Чаоань улыбнулся:

— Ты не знаешь, кто я, а я знаю, кто ты. Ты, начиная с области Сянчжоу, вместе с этим стариком Хуаном творил темные дела, полагаясь на яд цинъюань, обманывал и грабил, и так добрался до самого Луоцзина. У тебя смелости не занимать.

Лицо Сюань Людао пошло пятнами, он уставился на Цзи Чаоаня, не в силах вымолвить ни слова.

Мальчик, не обращая на него больше внимания, одернул полу одежды и присел на корточки перед избитым юношей. Он был низкорослым, с короткими руками и ногами, но этот жест получился у него изящным и непринужденным, словно у развязного ученого.

Позабытый серый кролик, чьи глаза сверкали, вдруг стал злым и свирепым, яростно уставился в спину мальчику, словно желая просверлить в ней дыру.

Цзи Чаоань, ничего не замечая, с сочувствием оглядел распухшие, сочащиеся кровью губы и уголки глаз юноши и мягко спросил:

— Одно мне непонятно, хочу спросить у тебя, братец.

Юноша за всю свою жизнь никогда не встречал такого обращения. Он был полон страха и беспокойства, попытался опереться руками о пол, но конечности его не слушались, и он остался сидеть на месте, дрожащим голосом произнес:

— Спрашивайте... спрашивайте.

Цзи Чаоань сказал:

— Братец — самая ядовитая птица в мире, почему же ты позволяешь какому-то воробью безнаказанно себя избивать?

Сюань Людао снова заорал:

— Мерзавец!

Юноша испуганно воскликнул:

— Учитель... учитель ко мне очень добр!

Он, словно боясь, что Цзи Чаоань не поверит, поспешно продолжил:

— Когда я еще был яйцом, меня нашел и высидел мой учитель. Он растил меня с самого

детства. В детстве я много ел, учитель урезал свой паек, чтобы я не голодал, он — самый лучший учитель на свете. Да, даже если он меня бьет, то это ради строгости воспитания. Н-не отшлифуешь нефрит — не получится изделия. П-прошу вас, не причиняйте ему вреда.

Цзи Чаоань помолчал некоторое время и вздохнул:

— Я понимаю.

Его взгляд упал на юношу, но, казалось, сквозь него он видел другого Гао Хуая — разбитого вдребезги, с уничтоженной душой, оставившего лишь жалкую оболочку.

Он повернул голову и наконец посмотрел на клетку на столе.

Серый кролик, почувствовав взгляд Цзи Чаоаня, внезапно рванулся, ударившись о сине-белые световые прутья. Путь затрещали, несколько раз ярко вспыхнули, и кролика отбросило обратно в клетку, оставив на его мягкой шерсти несколько подпалин.

Цзи Чаоань незаметно сжал пальцы, но лицо его оставалось холодным и бесстрастным:

— А я думал, что в Клетке Пяти Громов держат какое-то сокровище. Оказывается, это просто дурачок. Неужели ради такого кролика-оборотня ты решил использовать бессмертное оружие?

Говоря это, он как ни в чем не бывало взял записи, которые Хуан Шоу оставил на столе. Старик выглядел встревоженным, попытался было дернуться, но не смог пошевелить даже пальцем, вынужденный смириться. Он заискивающе улыбнулся:

— Старикашка нацарапал от нечего делать, написал всякую ерунду, старший наставник, не принимайте всерьез...

Цзи Чаоань пробежал глазами по листу и прочитал вслух:

— Маленький задиристый кролик, носит на себе странный замок. Редкость, редкость. Один замок ранит душу, второй замок ранит весну. Неужели воистину нет способа разомкнуть?

Цзи Чаоань удивился:

— Ранит душу? Ранит весну? Ты, старикашка, весьма проницателен, однако.

Хуан Шоу улыбнулся:

— Куда уж мне, куда... Старикашка мало что смыслит. Вот, например, каким способом вы, старший наставник, обездвижили нас, — это мне совсем непонятно...

Цзи Чаоань приподнял бровь:

— Старший наставник?

Хуан Шоу выпрямился с серьезным видом:

— Достигший — прежде всего. Вы, господин, способны на то, что не под силу другим, естественно, вы — старший.

Цзи Чаоань улыбнулся:

— Ты умеешь не судить людей по внешности, с головой ушел в изучение медицины — это большая редкость. Давай так: ты пойдешь со мной в одну пещеру для уединенной практики, я расскажу тебе о методе, который заставил вас всех потерять силы, а также о других его применениях, а ты будешь готовить для меня лекарства.

Сюань Людао крикнул со стороны:

— Хуан Шоу! Не смей!

Однако Хуан Шоу, обрадовавшись редкой добыче, замялся:

— Но... это...

Цзи Чаоань спокойно добавил:

— Разумеется, и этого серого кролика, и того цинъюаня — ты можешь взять с собой.

Хуан Шоу просиял и сказал:

— Тогда... тогда...

Но как только он произнес эти слова, из его горла вдруг хлынула кровь.

Сюань Людао, его сожительница и юноша, который был птицей Цинъюань в человеческом обличье, тоже один за другим начали извергать кровь и на глазах испустили дух.

<http://bllate.org/book/21199/2145914>